

кто-либо умалчивает о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, касающихся предмета договора, такъ какъ здѣсь молчаніе можетъ находиться въ связи съ активнымъ дѣйствіемъ и въ причинномъ отношеніи къ заблужденію. По дѣйствующему уложенію (1665) обманъ составляетъ сущность мошенничества и долженъ состоять въ положительномъ дѣйствіи ¹⁾. Тоже самое касается австрійскаго кодекса (197), гдѣ точно указаны, какъ условіе преступленія, такіа злонамѣренныя дѣйствія или объясненія.

§ 223.

Обманъ въ мошенничествѣ можетъ быть личный или вещественный, по мѣрѣ того, касается ли обольщеніе, или сокрытіе истины, лица виновника (напр., когда онъ выдаетъ себя за уполномоченнаго другаго лица или умалчиваетъ въ договорѣ, что онъ недѣеспособенъ) или вещи (напр., когда *A* продаетъ *Г* позолоченное кольцо, выдавая оное за золотое; когда *B* передъ желающимъ пріобрѣсти чужую заемную росписку скрываетъ, что долгъ по ней уже уплаченъ).

§ 224.

Законодательства не рѣшаютъ вопроса, какого рода должно быть заблужденіе и обольщеніе потерпѣвшаго? Можно ли усматривать уголовный обманъ

¹⁾ Однако же въ уставѣ о наказаніяхъ законодатель шире понимаетъ мошенничество, относя къ таковому недобросовѣстныя поступки, которые могутъ быть совершены и безъ обмана, какъ напр., невозвращеніе росписки, векселя, или залога кредиторомъ послѣ полученія уплаты долга (174, п. 4 и 5 уст. о нак.).